

УДК 316.42+303.01

Полевая диалектика: противоречия актора в российском развитии

О. В. Аксенова

Аксенова Ольга Владимировна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, illaio@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы разработки теоретических подходов в эмпирических исследованиях социального развития. Показаны ограничения современных концепций, связанные с низким потенциалом объяснительности, с несовпадением содержания категорий и российских реалий. Анализируются причины обращения к теоретическому инструментарию диалектической логики в исследованиях автора и его коллег, связанные с выявлением парадоксов, которые не удается объяснить при помощи современных подходов, включая полипарадигмальный. В числе этих парадоксов обнаружение феномена активизма в российской и советской системах управления, а также тенденции формализации социальных взаимодействий и алгоритмизации социального действия в западном гражданском обществе. На конкретных примерах показано применение инструментов диалектики для изучения процессов развития, выявления противоречий социального действия и его субъекта в этих процессах. Рассматриваются возможности использования диалектической логики в сочетании с полипарадигмальным подходом, что предполагает критический анализ социологических теорий, соотнесение их с историческим контекстом, в котором данные теории сформировались, выявление изменений содержания их категорий. Сделан вывод о результативности применения диалектической логики для изучения различных версий развития, в том числе развития российского, исторически осуществлявшегося в условиях ограниченного рынка.

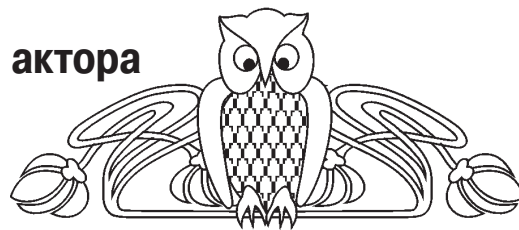
Ключевые слова: теоретический подход, диалектическая логика, противоречие, развитие, актор, агент, социальное действие.

Field Dialectics: Actor's Contradictions in Russian Development

O. V. Aksenova

Olga V. Aksenova, <https://orcid.org/0000-0003-1634-7597>, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), 24/35 korp. 5 Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russia, illaio@yandex.ru

The paper is dedicated to the problem of theoretical approaches in empirical sociological studies of social development. The limitations of modern theories related to the insufficient potential of explanatory irrelevance of their concepts to Russian reality are considered. The paper reveals the reasons of dialectic logic theoretical instruments' usage. They are related to the impossibility of the revealed paradoxes' explanation within modern theoretical approaches. One of these paradoxes is concerned with the activity of Russian and Soviet systems of management and governance. The other one is related to the formalization and algorithmization of social interactions and functioning of a social action in Western

civil society. The implementation of dialectic logic for the study of development processes and revealing the contradictions of social action and its subject in these processes are shown. The possibilities of dialectics in combination with polyparadigmatic approach requiring critical analysis of the theories and revealing the correlations with the historical context in which these theories emerged are presented. The conclusion is made on the effectiveness of dialectic logic instruments' usage for studying various versions of progress, including Russian development ones which historically took place in the situation of limited market.

Keywords: theoretical approach, dialectic logic, contradiction, development, actor, agent, social action.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-392-398>

В статье представлен обобщенный тридцатилетний опыт полевых исследований, осуществлявшихся при участии автора по широкому спектру направлений, в числе которых социальные движения, социокультурные аспекты жизнедеятельности местных сообществ, экологическая политика и управление, местная политика, профессионалы в российской модернизации и ряд других. Все исследовательские проекты так или иначе были связаны с процессами развития, в разные периоды обозначившиеся как «транзит», «реформирование», «модернизация». Экологическая модернизация изучалась в Нидерландах и России. Каждое исследование включало поиск подходящего теоретического инструментария, его адаптацию к ускользающим от анализа российским реалиям. В итоге после долгих дискуссий, размышлений, проб и ошибок был разработан подход к изучению отечественной модернизации, в основании которой оказалась диалектическая логика в ее марксистской интерпретации как внутреннего механизма развития материального мира. Подход сфокусирован на роли в развитии субъекта социального действия, который концептуализирован как противоречивое единство «агента» и «актора». Изложенная ниже история создания данной методологии позволяет показать причины обращения к классической теории XIX в. и продемонстрировать ее исследовательский потенциал в условиях, когда сам постмодерн того и гляди устареет, даже при свободе выбора новейших концепций.

Проблемы теории в практической социологии

В начале 1990-х гг. российские социологи едва ли не полностью отказались от наследия Гегеля и Маркса, не обращая внимания на то, что

их западные коллеги продолжали считать последним одним из основоположников социологии. Позже марксизм начал возвращаться, чаще имплицитно, иногда эксплицитно, в ряду других теорий. В настоящее время началось осмысление перспектив его использования в современных исследованиях¹. Но в первые постперестроечные годы для эмпирических исследований, казалось, открылось царство методологической свободы с широким выбором теоретических инструментов и практически неограниченными возможностями. Однако ограничения обозначились довольно скоро.

Наиболее заметным было несовпадение содержания категорий и вроде бы соответствующей им реальности. Быстрее всего это выяснялось в совместных проектах, выливаясь в острые дискуссии с западными коллегами. Например, в нашем случае существенно различалась интерпретация социального движения в западной социологии и его характер в России, о чем речь пойдет несколько позже. Данная проблема частично решалась посредством корректировки категорий или выбора наиболее общих определений. Так, трактовка институтов как норм и правил² позволяла выявлять разнообразную и постоянно трансформирующуюся систему формальных и неформальных правил, регулирующих экологическую и местную политику, управление, жизнедеятельность местных сообществ в целом.

Следующим ограничением были узкие рамки интерпретаций, заданные высокоспециализированными концепциями. Они не позволяли изучить предмет как целостность, выделяя какую-либо одну его сторону. Например, теория мобилизации ресурсов³ выявляла способы мобилизации ресурсов и организации деятельности движений, но оставляла неисследованным феномен активизма, акционизм⁴, наоборот, фокусировался исключительно на акторе.

Единственным выходом было использование полипарадигмального подхода. Множество теорий должны были иметь большую объяснительную силу, чем одна, поскольку позволяют анализировать различные аспекты изучаемого предмета, а в итоге составить представление о целом. Так, В. А. Ядов перечисляет шесть различных подходов, использованных для изучения социальных идентификаций россиян, включая марксизм, рациональный выбор, бихевиоризм, психоанализ: «Ни одно из приведенных толкований не представляется “лишним”, но обеспечивает многосмысловое понимание проблемы»⁵.

Однако полипарадигмальность вызвала обоснованные возражения, наиболее значимым из которых представляется несовместимость парадигм, созданных в различных контекстах: «Неправомерное смешение разных методов порождает своего рода логический коллапс полипарадигмальных теоретических построений: поскольку метод есть истина предмета, взятая

в определениях познающего его научного сообщества, постольку употребление взаимоисключающих методов имеет следствием “конфликт истин”»⁶. Тем не менее, иного способа решить проблему не существовало, поэтому категории до возможных пределов согласовывались внутри конкретного исследовательского проекта.

Пожалуй, главной сложностью стал ощущение недостаточный объяснительный потенциал равным образом теорий среднего уровня и теоретических парадигм. Они позволяли интерпретировать результаты исследований, но не объяснять их. О кризисе объяснительности писал еще в конце 1980-х гг. Р. Коллинз, связывая его с отсутствием согласованной концепции, подобной тем, что сложились еще в XIX в. в естественных науках. Причины ее отсутствия заключаются, по его мнению, в растущей специализации социологии, обусловленной разнообразием объекта ее исследования, коим является весь социальный мир, в соперничестве множества теоретических школ, а также в политической ангажированности ученых: «Все эти обстоятельства затрудняют поиск тех точек, где сходятся разные теоретические объяснения. Это лишает возможности собрать обрывочные данные, поставляемые различными подходами, в стройную, согласованную модель»⁷. Несводимость понятий к общему, элементарному основанию является на самом деле главной причиной всех перечисленных выше методологических проблем.

Постмодернизм разрешает кризис объяснительности, отмахнувшись от него: истина относительна, восприятие субъективно, реальность сложна, допускается множество ее интерпретаций и их комбинаций. Социологическая практика должна в этой связи стать чистым нарративом, описанием событий, не претендующим на обнаружение внутренних закономерностей, существенных оснований происходящего, объективных причинно-следственных связей и т. п. По сути, постулируется отсутствие веками двигавшего науку простого любопытства, стремления заглянуть за пределы видимости явлений.

Российская эмпирическая социология не утратила наивного желания узнать, как устроен мир. Она не может от него отказаться еще и потому, что даже решение практических задач требует ответа на вопросы, что происходит и почему. Приходится выяснять, что скрывается за непосредственной данностью социального мира вне зависимости от кризиса объяснительности, столкновения истин, разницы контекстов, ангажированности теоретиков и субъективности научного восприятия. Поэтому неизбежным было появление множества своего рода частных объяснительных теоретико-методологических подходов, основанных на единственно возможной в сложившихся условиях полипарадигмальности. Они согласуются внутри себя при помощи разных логических приемов, включая корректиров-

ку категорий в соответствии с целью, предметом и контекстом исследования. Их редко замечает теория среднего и высшего уровня, так как они разрабатывались для отдельных, весьма конкретных исследований, коих великое множество. Теоретическая значимость этих подходов чаще всего остается лишь пунктом диссертационных работ. В публикациях они обозначаются несколькими строками, не раскрывающими в полной мере их содержания, а процесс их создания и вовсе остается за кадром.

Эти подходы, несомненно, умножают и без того великое число слабо согласованных научных абстракций, но в то же время многие из них ценны тесной связью процесса абстрагирования с конкретной, непосредственно данной реальностью, в соответствии с которой уточнялись категории и определялись возможности и границы используемых концепций. Возвращение инструментов диалектической логики происходило в связи с появлением конкретных исследовательских задач, которые можно было решить лишь с их помощью.

Изменчивость объекта и ее отражение

Смена научных парадигм в социологии существенно отличается от аналогичного процесса в естественных науках. Точно так же теория следует за результатами наблюдений, но наблюдаемая реальность меняется на протяжении жизни одного поколения исследователей, а при смене эпох и того чаще. В этих условиях практически не действует принцип соответствия, согласно которому старая концепция становится частным случаем новой, как это происходит в естественных науках. В науках об обществе парадигмы отрицают друг друга едва ли не полностью, выстраивая принципиально новую картину мира.

Быструю смену теорий среднего уровня в экосоциологии нам удалось наблюдать в течение примерно пятнадцати лет. В определенном смысле это было научной удачей, так как позволило сопоставить изменения в используемой теории с трансформациями предмета исследования (западным экологическим движением, экополитикой и управлением), одновременно сравнивать происходящее с их российскими аналогами, а в итоге выяснить, автономна ли теория или детерминирована реальностью.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в исследованиях социальных движений использовались, главным образом, теории, сфокусированные на ценностях и ценностно-ориентированных действиях новых социальных движений. Основной была деятельностно-активистская концепция А. Турена (акционизм). Его центральная категория, актер, меняющий своими действиями социальную реальность, соответствовала российскому контексту: в этот период в СССР, а затем в России был мощный всплеск гражданской ак-

тивности, движения, в первую очередь экологическое, затем и рабочее, формировались стремительно, быстро становились массовыми.

Ситуация в методологии исследований изменилась в 1993–1994 гг. В наших совместных с Нидерландами проектах по изучению экологического движения и экологической политики акционистский подход уже считался устаревшим и к использованию не рекомендовался. Голландские социологи требовали фокусировать исследование на институтах, организации, сетях связей и т. п., использовать в первую очередь теорию экологической модернизации, в которой движение рассматривалось в качестве одного из функциональных элементов управления охраной окружающей среды⁸. Данное требование имело отнюдь не субъективные основания. Исследования экологической политики в Нидерландах и сотрудничество с голландским экологическим движением показали, что теория полностью отражает реальную ситуацию. Социальное движение трансформировалось в хорошо организованную и высоко-специализированную сеть неправительственных организаций, в которой гражданская самоорганизация осуществлялась по строго определенным алгоритмам, заданным множеством методических материалов и требованиями грантовых программ. Она была тесно связана с управленческими государственными структурами, с частными консалтинговыми фирмами и экологическими департаментами корпораций, все вместе было частью сложной управленческой системы. Самоорганизацию в этих условиях можно было назвать скорее саморегулированием, поскольку ее актер терял самостоятельность, действовал в соответствии с нормами и правилами, а не ценностями, как это было ранее.

К началу нового столетия объект изучения изменился в очередной раз в связи с глобализацией. В начале XXI в. голландские коллеги формулируют и предлагают к обсуждению теорию экологических потоков и их регулирования⁹. Актору же не может изменять реальность, поскольку поток не зависит от его воли, разума, активности, способности к самоорганизации. Во время конференции в университете г. Вагенинген в 2005 г. было предложено понятие агента, обслуживающего потоки, функцией которого является обеспечение безопасности окружающей среды. Смены категорий в социологии не произошло, актер и агент продолжают использоваться как синонимы, но, по сути, актер перестал быть действующими субъектом, окончательно превратившись в субъекта-функцию. В концепции актерских сетей (АНТ) он и вовсе равен всем прочим материальным и нематериальным элементам технологической цепочки¹⁰.

Мы наблюдали как концепция мигрировала географически вслед за реальностью, которую она отражала. Экологическая модернизация была теорией индустриальной системы, создава-

лась и развивалась на основе исследований охраны среды в промышленных отраслях, в частности химической промышленности, Нидерландов и вслед за промышленностью вместе с исследованиями ее авторов переместилась в Китай¹¹.

Таким образом, экосоциология за чуть больше чем десять лет совершила переход от ценностных концепций к почти технологическим теориям, каждый раз предлагая новую интерпретацию реальности. Они сменяли друг друга в социологическом дискурсе как в калейдоскопе, вытесняя предшествующие, в том числе из сознания самих ученых.

Эта разорванность, дискретность процесса осмысления реальности и одновременно очевидная детерминированность его этой реальностью заставила в поисках инструмента, пригодного для объяснения происходящего, обратиться к методологии К. Маркса: к рассмотрению теории как зеркала реальности, отражающего ее противоречия и изменения. «Капитал», в название которого входит и «Критика политической экономии», построен во многом на ретроспективном анализе теорий, из которых извлекается отраженная в них реальность.

Кроме того, перечисленные выше концепции заставили вспомнить понятие «вульгарная политическая экономия», которое не имело привычных нам коннотаций, а обозначало отражение наукой непосредственной данности и интерпретации ее как сущности без попыток исследовать последнюю. Использование самих современных подходов считалось на Западе хорошим тоном, но оно же ликвидировало возможность понять, какие изменения происходят в предмете исследования, придавая его результатам дополнительную «вульгарность».

Ретроспективный анализ изменения социально-экологических идей выявил радикальное изменение содержания категории «актора», который в конце 1980-х – начале 1990-х гг. превращается из действующего субъекта, меняющего мир, в субъекта-функцию, этот мир обслуживающего¹². С нашей точки зрения, это было достаточным основанием для введения категории «агента», предложенной голландскими коллегами. Разделение категорий на «актора» и «агента» зафиксировало реальное направление развития: от действующего субъекта к субъекту-функции. Разумеется, сфера охраны окружающей среды не является заповедником технократического тоталитаризма, редуцирующего актора к агенту. Она лишь часть жизнедеятельности социума, в которой происходили те же самые изменения. Потребовался более широкий ретроспективный анализ теоретических интерпретаций субъекта социального действия для того, чтобы выявить общий тренд трансформаций, который подтвердил направленность изменений на формализацию социального действия и функционализацию его субъекта¹³.

Возвращение противоречия

В России изменений в содержании категории «актора» не наблюдалось вовсе. На протяжении всего периода исследований он продолжал действовать самостоятельно, в соответствии со своими ценностями. Характер российского активизма, соответствовавший движениям 1960-х – 1970-х гг. на Западе, давал основания для использования несколько скорректированного полипарадигмального подхода при его изучении. И. А. Халий сопоставила меняющиеся друг друга парадигмы с историческими процессами для того, чтобы получить методологию изучения общественных движений в России: «Можно сказать, что каждая парадигма отражает определенный этап развития социальных движений. Тем не менее, их авторы, критикуя предыдущие подходы, предлагают свою теоретическую систему как единственно адекватную для проведения анализа. В то же время исследовательский опыт показывает, что на каждом этапе развития общества существуют движения, которые можно изучать, применяя те или иные теории и подходы каждой из парадигм»¹⁴. В данном случае имелось в виду российское общество и его особенности.

В проекте по изучению экологической модернизации в России и в Нидерландах также удалось настоять на использовании акционистского подхода вместе с концепцией экологической модернизации. Последняя позволила выявить схожие тенденции в российском экологическом управлении: возникновение множества некоммерческих и коммерческих организаций, функционально включенных в процесс государственного управления. Конфликт истин имел место: экологическая модернизация содержала понятие актора, радикально отличающегося от такой же категории в акционизме. Но именно он обнажил сочетание модернизационных тенденций с сохранением действующего субъекта. Более того, социальный активизм обнаружился там, где его быть не должно, – в управленческих структурах. А расширение исследований за пределы экосоциологии находило актора повсеместно: в организациях культуры, в школах и школах искусств, в муниципальной власти, в отраслевых структурах управления. Активизм был выявлен в сферах, где нужно выполнять приказы, соблюдать нормы, следовать инструкциям и алгоритмам, в профессиональной деятельности и управлении. Но наиболее парадоксальным стал активизм и свободно действующий субъект в системе управления Советского Союза.

Приходится признать, что сила воздействия теоретических подходов, занимающих место мейнстрима социологического и политологического дискурса, чрезвычайно велика. Априорность концепции тоталитаризма мешала просто вспомнить реальность, которая для старшего по-

коления социологов была непосредственно данной: актор в ней присутствовал.

Самым приемлемым объяснением этому казались институциональная жесткость и неповоротливость советской системы управления и недостаточная развитость российской, которая в отличие от западной технологической системы не может дотянуться до каждого, чтобы превратить его окончательно в функцию.

Согласно одной из первых гипотез, актор действовал вопреки системе, что и обеспечило успехи советского модерна. В материалах исследований было много историй о борьбе с системой, подтверждающих эту идею. Однако противостояние системе зачастую происходило одновременно с борьбой с собственными подчиненными, с их рискованной самостоятельностью. Также стало ясно, что актор-профессионал являлся одновременно и агентом, соблюдающим нормы.

Иными словами, сама реальность возвращала нас к понятию диалектического противоречия, заставляя интерпретировать субъекта социального действия как противоречивое единство агента и актора, а социальное действие – как единство действия нормативного и свободного. От представления о неповоротливости советской системы управления пришлось отказаться, так как в экстремальных ситуациях она реагировала стремительно, организационно перестраивалась, сознательно расширяя пространство свободного действия профессионалов. То есть актор присутствовал в системе управления не случайно, не по недосмотру и глупости управляющего центра, он на самом деле был ее функциональным элементом.

Противоречие социального действия развертывалось в противоречия агента и актора, актора и системы, норм и ценностей, централизации и децентрализации. Оно снималось посредством формирования системы, в которой актор играл одну из ключевых ролей.

В западном модерне то же самое противоречие снималось посредством полной алгоритмизации действия, превращения актора в агента и формированием гибкой, сложной, способной к саморегулированию системы, функции которой компенсируют утрату человеком способности свободно мыслить и действовать. Однако она не способна гибко и быстро реагировать на ситуацию хаоса, требующую нетривиальных решений.

Диалектика формы и содержания

С феноменом научной слепоты или, наоборот, невидимости гражданской активности соотечественников мы столкнулись в 1990-е гг. Российский активизм был известен лишь тем, кто его изучал. Общепринятым было скорее представление о «винтике системы» в СССР и о низкой социальной активности российского на-

селения, об отсутствии гражданского общества или его слабой развитости.

Отчасти причины данного явления связаны с ангажированностью общественных наук, а также неуловимостью российских реалий для категорий, созданных в контексте западного модерна и постмодерна. Но есть и более глубокая причина, обусловленная диалектикой сущности и явления. Форма проявления может не соответствовать сущности, но при этом она всегда положена сущностью, обусловлена и определена ею.

Советские политическая и управленческая системы действительно выглядели жесткими и монолитно централизованными. Более того, они именно такими себя демонстрировали. Актор стремится максимизировать свободу действия, система – ее ограничить, что проявляется в борьбе «героя» против «системы». Эта борьба в полном согласии с законами диалектики является одновременно частью системы как целого. Автономность звеньев управления, которые одновременно тождественны и нетождественны системе, содержит возможность их обособления. С одной стороны, это риск существования системной целостности, с другой – неотъемлемая ее часть, обеспечивающая гибкость и воспроизводство в случаях катастроф, когда связь с управляющим центром разорвана.

В технологической системе борьба с ней просто исключена. Она не содержит пространства свободы, в котором мог бы действовать актор, кроме того, изначальная нормативность и алгоритмизированность действия не требует давления на его субъекта.

Имеет место также видимость случайности актора-врача, учителя, администратора, активиста инициативной группы и т. п. Сильная личность, и тем более ценностно ориентированная и деятельная, – явление единичное в любом обществе и в любое время. К тому же число акторов оказалось достаточным для того, чтобы российская провинция смогла противостоять деградации 1990-х гг., удерживая высокий уровень школьного образования и сохраняя культуру. Это сочетание случайности и закономерности наблюдается во всех наших исследованных. Общее число случайностей складывается в закономерность, определяющую развитие страны, а в эпохи разлуки – ее сохранение.

Историческое и логическое

Изучение предмета исследования в его историческом развитии в наших исследованиях сначала использовалось потому, что иначе выявить его свойства не удавалось: объект и предмет менялись буквально на глазах, настоящее очевидным образом определялось их прошлым. Нельзя было объяснить без знания истории действия российских врачей и учителей, работавших в 1990-е гг. без зарплаты. Наши западные коллеги,

которым она была неизвестна, так и не смогли понять данный феномен.

Осознание факта, что история разворачивается у нас на глазах и определяет наблюдаемую нами современность, вернуло к диалектике исторического и логического. Она предполагает рассмотрение предмета исследования в его историческом развитии, которое в свернутом виде содержится в сложившейся, развитой целостности. По этой причине история актора в становлении российского модерна изучалась уже после исследования всех противоречий акторской системы. Историческая ретроспектива обнаружила формирование системы управления, построенной на пространстве свободы профессионала, его самостоятельности и активности начиная с реформ Петра I. Тенденцию замены актора агентом можно отследить на протяжении едва ли не всей истории западного модерна, в российской же истории обнаружить ее не удалось.

Подводя итоги, отметим, что обращение к диалектической логике было продиктовано наблюдаемыми фактами, постоянно выявляемыми противоречиями и неожиданными для нас самих парадоксами. Возвращение именно к марксовской версии диалектики, с нашей точки зрения, закономерно и обоснованно. Ее инструментальный формировался в эпоху действительно прорывного развития общества, вместе с другими концепциями меняющегося мира. Она является результатом осмысления развития, которое сделало зримыми трансформации социума и позволило выявить их внутренние механизмы. Отрицание прошлого с его последующим восстановлением на новом уровне, развертывание противоречий между трудом и капиталом в этот период были наблюдаемыми явлениями, происходившими в реальности, а не в сознании исследователя.

Точно так же в последние десятилетия стали явными внутренние закономерности трансформаций российского общества, вытесняющая противоречия едва ли не на поверхность. Самым сложным оказалось их увидеть и осознать, несмотря на давление теорий и связанных с ними общепринятых установок, занимающих место мейнстрима в социологическом и политическом дискурсе.

Использование инструментов диалектической логики не отрицает значимости многочисленных социологических концепций среднего уровня, научных парадигм и бесчисленного множества прикладных исследований. Она предполагает лишь их критический анализ, соотношение их с объектом изучения и историческим контекстом появления концепции, что позволяет выявить изменения содержания категорий.

Детерминированность теорий среднего уровня реальными процессами представляется очевидной. Однако и теоретические парадигмы в социологии вынуждены следовать за предметом изучения, чем в числе прочего объясняется

разорванность теории и их конфликтующие категории. В этом смысле даже постмодернистская изощренная оторванность теории от мирских реалий ими же и детерминирована, а потому также требует изучения.

Развитие как развертывание противоречий нередко интерпретировалось как частый случай развития в XX в. или отрицалось вовсе вместе с диалектикой. Помимо неоднократно упоминавшейся ангажированности, обусловленной в данном случае интересами борьбы с социализмом, причина отказа от использования данной категории может быть связана со сложностью его обнаружения в относительно стабильном и/или в чрезвычайно сложно устроенном обществе, изменения которого порождают не просто маскирующие содержание превращенные формы, но формы, лишённые всякого содержания.

Диалектическая логика в своей материалистической интерпретации может служить инструментом для изучения специфики российского развития. Проблемы несовпадения категории с реальностью не возникают по причине общего характера ее законов и принципов. Они в результате годятся для изучения не только западного модерна, но и других вариантов развития. Целый ряд существенных отличий России и Запада обусловлен разницей в способе снятия противоречия агента и актора, и в этом нет ничего мистического, недоступного для ума. Причины этой разницы пока можно лишь предполагать, их выявление требует отдельного исследования.

Единство анализа и синтеза, а также абстрактного и конкретного позволяло исследовать реальность, не ограничиваясь ее расчленением на части. Анализ давно уже стал синонимом исследования, но без синтеза, т. е. возвращения к конкретной, меняющейся целостности, приводит к появлению не связанных, а часто противоречащих друг другу ее интерпретаций. В ходе исследований субъекта социального действия мы абстрагировались от ряда его свойств для того, чтобы выявить его сущностные характеристики. В частности, не рассматривается характер общественных отношений, к которому в дальнейшем необходимо вернуться.

Очевидно, что сложившаяся в советском модерне акторская система формировалась в условиях ограниченного рынка на протяжении всей своей истории, а технологическая была рождена развитием капитализма. Даже ее анализ в «чистом», абстрактном виде постоянно возвращает исследователя к рыночным отношениям, в которых и проявляются сложность, гибкость и саморегулирование технологической системы. В этой связи возникает вопрос, возможен ли прогресс, не редуцирующий человека к функции. Полевые исследования лета 2019 г. обнаружили существенное сокращение пространств свободы в образовании и медицине, сохранявшихся в этих отраслях еще четыре года назад. Однако будущее

современного капитализма также неясно, так что вопрос остается открытым.

Диалектическая логика, с нашей точки зрения, является в настоящее время наиболее адекватным требованиям изучения развития инструментом, она более чем какой-либо иной подход соответствует современной реальности, в которой все не то, чем кажется, и которая к тому же продолжает меняться в неизвестном направлении.

Примечания

- ¹ См.: Вебер А. Б. Понять Маркса. К 200-летию со дня рождения К. Маркса // Свободная мысль. 2018. № 2. С. 172–185.
- ² См.: Норт Д. К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики (Institutions, Institutional Change and Economic Performance (1990)). М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- ³ См.: Jenkins C. Resource mobilization theory and the study of social movements // Annual Review of Sociology. 1983. Vol. 9. P. 527–553; Tilly Ch. From mobilization to revolution. Englewood Cliffs, 1978.
- ⁴ См.: Touraine A. An Introduction to the Study of Social Movements // Social Research. 1985. Vol. 52, № 4. P. 749–785.
- ⁵ Ядов В. А. Возможность совмещения теоретических подходов // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 12.
- ⁶ Качанов Ю. Л. Полипарадигмальный подход, логика и социологические понятия // Социс. 2010. № 8. С. 16.
- ⁷ Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 89–90.
- ⁸ См.: Mol A. P. J. The Refinement of Production. Ecological modernization theory and the chemical industry. Utrecht: Van Arkel, 1995.
- ⁹ См.: Mol A. P. J., Spaargaren G., Buttel F. H. Governing Environmental Flows: Global Challenges to Social Theory. Cambridge, MA: MIT Press, 2006.
- ¹⁰ См.: Latour B. Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- ¹¹ См.: He G. Z., Boas I. J. C., Mol A. P. J., Lu Y. L. What drives public acceptance of chemical industrial park policy in China? // Resources, Conservation & Recycling. 2018. Vol. 138. P. 1–12; Zhang L., Xu Y., Oosterveer P., Mol A. P. J. Consumer trust in different food provisioning schemes: evidence from Beijing, China // Journal of Cleaner Production. 2016. Vol. 134. P. 269–279.
- ¹² См.: Аксенова О. В. Генезис социально-экологической рефлексии на Западе во второй половине XX века // Социс. 2004. № 9. С. 68–76.
- ¹³ См.: Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. С. 21–54.
- ¹⁴ Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: ИС РАН, 2007. С. 11.

Образец для цитирования:

Аксенова О. В. Полевая диалектика: противоречия актора в российском развитии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 392–398. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-392-398>

Cite this article as:

Aksenova O. V. Field Dialectics: Actor's Contradictions in Russian Development. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 392–398 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-4-392-398>